

Уроки истории *Lessons from History*

DOI: 10.31857/S020596060010871-0

КАНУНЫ: ОТ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ К ИНСТИТУТУ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ АН СССР *

ИЛИЗАРОВ Симон Семенович — *Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН; Россия, 125315, Москва, ул. Балтийская, д. 14; E-mail: sinsja@mail.ru*

© С. С. Илизаров

Статья посвящена важнейшему событию в историографии истории науки — воссозданию в 1944–1945 гг. по инициативе президента АН СССР В. Л. Комарова и с личного разрешения И. В. Сталина Института истории естествознания (ИИЕ). Рассмотрены все основные этапы развития ИИЕ, которому довелось пережить несколько кризисных ситуаций и периодов относительно нормального развития в крайне сложных социально-политических условиях, когда советскую науку до основ сотрясали многочисленные идеологические, по сути репрессивные, кампании. Показана роль в деятельности ИИЕ его руководителей — второго после Комарова директора института, члена-корреспондента АН СССР Х. С. Коштойнца, его заместителя Н. А. Фигуровского, а также ряда научных сотрудников — С. Л. Соболя, А. П. Юшкевича и др. Рассмотрена эволюция отношения к ИИЕ и к истории науки в целом президента АН СССР С. И. Вавилова, который поначалу встретил создание института крайне негативно. На основе впервые вводимого в научный оборот архивного материала реконструируется ряд неизвестных ранее событий: инициированный Вавиловым перевод в 1948 г. ИИЕ из Москвы в Ленинград, что могло бы привести к его ликвидации; подготовленная в 1952 г. в ИИЕ по заданию академика-секретаря Отделения истории и философии АН СССР Б. Д. Грекова записка о развитии в СССР истории естествознания — важный документ, фиксирующий историографическую ситуацию в состоянии изучения истории науки. Еще одним событием 1952 г., в конечном счете определившим судьбу ИИЕ, стала попытка создания Института истории техники АН СССР. Неудача в этом деле привела к тому, что по инициативе заместителя председателя Комиссии по истории техники (КИТ) В. А. Голубцовой произошло насильственное присоединение КИТ к ИИЕ

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант 19-011-00366 А.

и преобразование последнего в ИИЕТ АН СССР, что привело к очередной кризисной ситуации, затянувшейся на десятилетие.

Ключевые слова: Институт истории естествознания, история науки, В. Л. Комаров, Х. С. Коштойанц, С. И. Вавилов, Н. А. Фигуровский, С. Л. Соболев, А. П. Юшкевич, Комиссия по истории техники, Институт истории техники, В. А. Голубцова.

Статья поступила в редакцию 2 июля 2020 г.

THE EVES: FROM THE INSTITUTE FOR THE HISTORY OF SCIENCE TO THE INSTITUTE FOR THE HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY OF THE USSR ACADEMY OF SCIENCES

ILIZAROV Simon Semenovich – *S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences; Ul. Baltiyskaya, 14, Moscow, 125315, Russia; E-mail: sinsja@mail.ru*

© S. S. Ilizarov

Abstract: This paper is devoted to a very important event in the historiography of the history of science – the restoration of the Institute for the History of Science (IEE) in 1944–1945 on the initiative of V. L. Komarov, President of the USSR Academy of Sciences, and with the personal permission of I. V. Stalin. The paper reviews the main stages in the development of IHS that had to go through several crises and periods of relatively normal development in an extremely difficult sociopolitical environment where Soviet science was being badly shaken by numerous ideological or, rather, repressive campaigns. The paper shows the role of IEE leaders (Kh. S. Koshtoyants, Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences who succeeded Komarov as director of the Institute, and N. A. Figurovskii who was deputy director under Koshtoyants) and research fellows (S. L. Sobol, A. P. Yushkevich, and others) in the Institute's work and development. The evolution of the attitude of S. I. Vavilov, President of the USSR Academy of Sciences, towards IHS and the history of science in general is analyzed. Initially, S. I. Vavilov was extremely negative about the creation of the Institute. A number of previously unknown events are reconstructed based on the archival material, introduced for scientific use for the first time: the relocation of IEE from Moscow to Leningrad in 1948, which could have led to its dissolution, and a memorandum on the development of the history of science in the USSR, prepared on the instruction of B. D. Grekov, Academician-Secretary of the History and Philosophy Division (OIF) of the USSR Academy of Sciences. This is an important document that captures the historiographic situation in the studies on the history of science. A 1952 event that, in the end, determined the fate of IHS was a failed attempt to create the Institute for the History of Technology under the auspices of the USSR Academy of Sciences. This failure led to a forcible merger of the Commission for the History of Technology (KIT) with IEE and the latter's transformation into the Institute for the History of the USSR Academy of Sciences on the

initiative of V. A. Golubtsova, Deputy Chair of KIT. This had led to yet another crisis that lasted a decade.

Keywords: Institute for the History of Science, history of science, V. L. Komarov, Kh. S. Koshtoyants, S. I. Vavilov, N. A. Figurovskii, S. L. Sobol, A P. Yushkevich, Commission for the History of Technology, Institute for the History of Technology, V. A. Golubtsova.

For citation: Ilizarov, S. S. (2020) Kanuny: ot Instituta istorii estestvoznaniia k Institutu istorii estestvoznaniia i tekhniki AN SSSR [The Eves: From the Institute for the History of Science to the Institute for the History of Science and Technology of the USSR Academy of Sciences], *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*, vol. 41, no. 3, pp. 519–559, DOI: 10.31857/S020596060010871-0.

Должен признаться, что когда несколько лет назад Ю. М. Батуриным выдвинул концепцию волновой истории науки, то поначалу я воспринял это с недопониманием и некоторым скепсисом, хотя сразу принял приглашение участвовать в большом коллективном проекте. В рамках предложенной исследовательской модели я попытался рассмотреть основные этапы развития истории науки и метаморфозы, которые претерпела эта дисциплина на протяжении долгого XX столетия ¹. Продолжение изучения данной темы показывает продуктивность волновой модели. Обнаружение новых архивных документов, проливающих свет на неизвестные страницы завершающей стадии организации Института истории естествознания АН СССР (ИИЕ), возникшего 75 лет тому назад, послужили поводом и основанием для написания этой статьи.

Хотя детальная и полная реконструкция истории ИИЕ является делом будущего, главные моменты его существования известны, поэтому здесь вкратце остановлюсь только на узловых событиях.

Открытие ИИЕ: Кузнецов – Комаров – Сталин

Решение о воссоздании в системе АН СССР исследовательского историко-научного института обсуждалось и принималось на высшем государственном уровне. Вечером 13 ноября 1944 г. в Кремле в течение часа (18:45–19:45) проходила беседа президента АН СССР академика В. Л. Комарова и И. В. Сталина. Вскоре после этой встречи,

¹ *Илизаров С. С.* Рождение, гибель и возобновление профессии «историк науки» // Вихревая динамика развития науки и техники. Россия / СССР. Первая половина XX века: в 2 т. / Отв. ред. Ю. М. Батуриным. М.: ИИЕТ РАН; Саратов: Амрита, 2018. Т. 1: Турбулентная история науки и техники. С. 11–29; *Илизаров С. С.* Метаморфозы истории науки и техники // Вихревая динамика развития науки и техники. СССР / Россия. Вторая половина XX века / Отв. ред. Ю. М. Батуриным. М.: ИИЕТ РАН; Саратов: Амрита, 2019. Т. 3: Самоорганизация, турбулентный переход и диссипация. С. 8–60.

*В. Л. Комаров**Б. Г. Кузнецов, 1944 (1945?) г.*

имевшей решающее значение для судьбы истории науки в нашей стране, СНК СССР 22 ноября 1944 г. принял постановление об открытии ИИЕ, в котором, наряду с определением целей и задач нового института, утверждался также состав ученого совета. Соответствующее решение Президиума АН СССР состоялось 9 февраля 1945 г. Таким образом, в феврале 2020 г. исполнилось 75 лет этому знаменательному и приснопамятному событию ². Директором ИИЕ стал Комаров, но фактически поначалу институтом руководил его заместитель Б. Г. Кузнецов – главный инициатор воссоздания института; абсолютное большинство приказов подписано им. Уже в 1945 г. в штат ИИЕ влились В. П. Зубов, А. П. Юшкевич, П. А. Новиков, О. А. Старосельская-Никитина, Б. А. Воронцов-Вельяминов, И. Н. Веселовский, Г. Ф. Рыбкин, Я. Г. Дорфман, Б. Е. Райков. Распоряжением Комарова Т. И. Райнов раньше других стал старшим научным сотрудником создаваемого института. Таким образом, достаточно быстро удалось собрать высококвалифицированный и продуктивный коллектив профессиональных историков науки. На 1 октября 1945 г. в ИИЕ было 37 научных сотрудников, из них 7 докторов наук. С самого начала не только план исследований, но и план изданий ИИЕ были наполнены и включали подготовку сборников «Научное

² 26 ноября информация о создании нового института появилась в «Правде», а 21 декабря в «Известиях» вышла большая, в половину полосы, развернутая статья «Институт истории естествознания» за подписью президента АН СССР В. Л. Комарова.

наследство», «Трудов» института, индивидуальные и коллективные монографии по истории атомистики, развитию представлений о Вселенной, о Земле и строении вещества, истории русской ботаники, развитию эволюционного учения в мировом и русском естествознании и др.

ИИЕ: Вавилов против

Как свидетельствуют дневники академика С. И. Вавилова, он — человек, который вскоре возглавил Академию наук, крайне негативно и резко отрицательно отнесся к созданию ИИЕ, считая, что таким образом происходит «подготовка места для дармоедов»³. В этом же документе содержатся совершенно несправедливые и до грубости жесткие высказывания в адрес Комарова, а также презрительно насмешливые слова об историках науки Кузнецове и Райнове, последний ошибочно включен в состав так называемой «комарильи». В другом месте, оценивая общую ситуацию, Вавилов делал вывод: «De facto к истории науки прилипают те, кому больше делать нечего, неудачники»⁴. Впрочем, отношение не только к историкам науки, а к историкам вообще у Вавилова — человека широкообразованного, знатока истории, литературы, искусства и прочих областей — удивительное; он считал, что их работа не имеет никакого отношения к науке, их профессиональная деятельность «в “честном” случае сборник “случаев” или произвольных схем, в нечестном — просто способ протестировать»⁵. Если бы он так оценивал деятельность записных сталинских прислужников от истории, но эти слова относились к А. И. Андрееву, А. М. Деборину, Е. В. Тарле и М. А. Тихановой. Тем не менее первые два года существования ИИЕ прошли относительно спокойно, и институт пережил первый административный кризис.

ИИЕ: второй директор — Коштойац

После скоропостижной кончины Комарова, случившейся 5 декабря 1945 г., должность директора ИИЕ 17 января 1946 г. занял физиолог, 45-летний член-корреспондент АН СССР Х. С. Коштойац⁶. Его назначение директором было достаточно мотивированным, поскольку, как и Комаров, он был биологом, но при этом работал и в области истории науки, как он сам писал о себе в автобиографии еще в 1927 г.⁷ Ко времени назначения он опубликовал книгу о И. М. Сеченове, монографию по истории физиологии в России, отмеченную

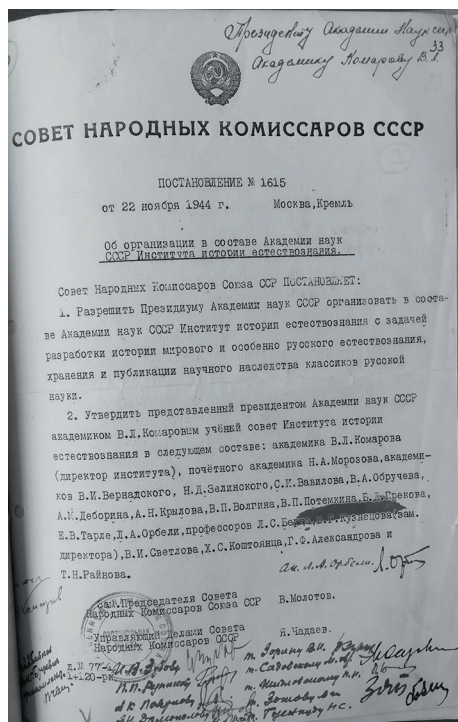
³ Вавилов С. И. С. Дневники, 1909—1951: в 2 кн. / Ред.-сост. Ю. И. Кривоносов, отв. ред. В. М. Орел. М.: Наука, 2012. Кн. 2. С. 238.

⁴ Там же. С. 207.

⁵ Там же. С. 162.

⁶ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 411. Оп. 4а. Д. 154. Л. 198.

⁷ Там же. Л. 18—19.

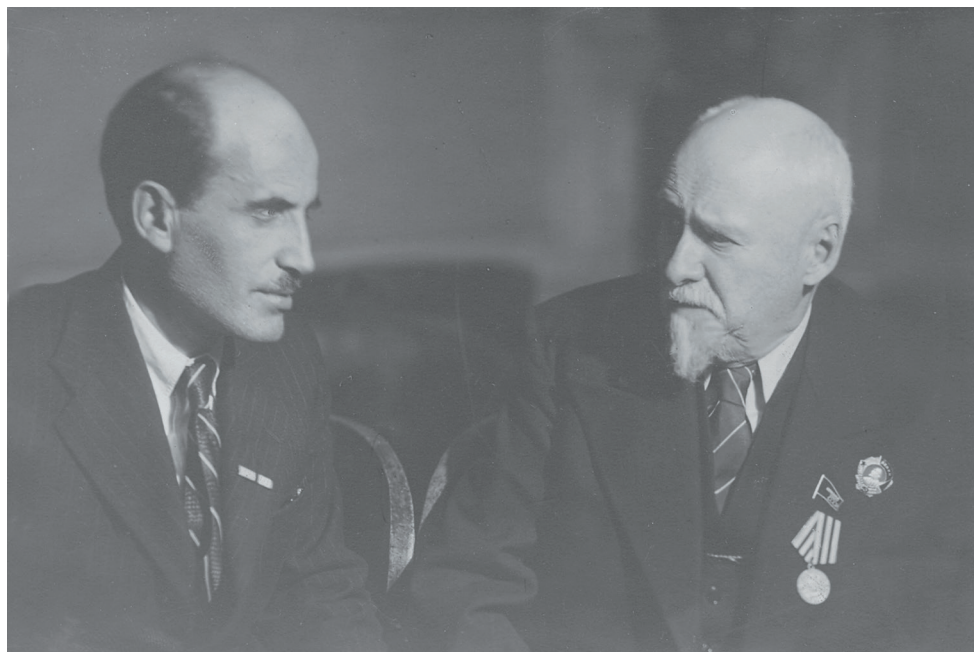
Постановление СНК СССР
об организации Института истории
естествознания, 22 ноября 1944 г.
(АРАН. Ф. 2. Оп. 10. Д. 18. Л. 33)

С. И. Вавилов

Сталинской премией 2-й степени. Коштыянец занимал довольно высокое положение в академической иерархии — был заместителем академика-секретаря Отделения биологических наук, уполномоченным Президиума АН СССР в 1942 г. в Киргизии во время эвакуации и т. п. Должность директора академического института давала больше оснований претендовать на прохождение в действительные члены АН СССР. Что касается Кузнецова — человека, прошедшего сложную и тонкую операцию по открытию ИИЕ, то у него при президенте Вавилове не было никаких шансов получить по праву ему принадлежащее место директора института. Более того, Вавилов, не способный отрешиться от личной неприязни, в последний момент собственноручно вычеркнул из подготовленного распоряжения Президиума АН СССР от 2 сентября 1947 г. параграф об утверждении Кузнецова заведующим отделом общей истории естествознания ИИЕ⁸.

⁸ АРАН. Ф. 2. Оп. 13. Д. 37. Л. 11. В следующем году, 12 июля 1948 г., бюро Отделения истории и философии по представлению дирекции, поддержанным парторганизацией ИИЕ, не утвердило Кузнецова в должности заведующего сектором, мотивируя свое решение отсутствием утвержденной Президиумом АН СССР структуры института (АРАН. Ф. 457. Оп. 1-48. Д. 101. Л. 72).

Х. С. Коштянец и В. Л. Комаров, 1945 г.

Наглядную картину первого этапа восстановительного периода в изучении истории научных знаний дает Всесоюзное совещание по истории естествознания, проходившее 24–26 декабря 1946 г. Исследования по общей истории естествознания проводились главным образом в ИИЕ, в меньшей степени история физики, математики, химии, биологии, геолого-географических наук изучались в комиссиях, созданных к тому времени при соответствующих отделениях Академии наук. В работе совещания принимали участие и, соответственно, попадали в сферу влияния ИИЕ специалисты из Баку, Горького, Еревана, Казани, Ленинграда, Львова, Москвы, Тбилиси, Харькова и других научных центров. Коштянец, подводя итоги, говорил, что «совещание явилось смотром кадров, которыми наша страна располагает в столь важной и самостоятельной области науки, как история естественных наук»⁹.

Однако, потерпев в 1946 г. неудачу при попытке избраться в академики по специальности «физиология»¹⁰, Коштянец, очевидно, стал меньше уделять внимание институту, и это не замедлило сказаться

⁹ Труды Совещания по истории естествознания 24–26 декабря 1946 г. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 5.

¹⁰ И позднее, на выборах 1953 и 1960 гг., члену-корреспонденту АН СССР, академику АН АрмССР Х. С. Коштянцу, несмотря на мощную поддержку многих выдающихся ученых и научных организаций СССР, не удалось избраться в действительные члены АН СССР.

на состоянии последнего. Ученый совет созывался крайне редко ¹¹. Если в первый год существования институт располагал сорока пятью штатными единицами, то в 1946 г. уже двадцатью тремя ¹². Да и само занятие историей науки в условиях погромно-идеологических кампаний тех лет приносило не только Сталинские премии, но и несло в себе угрозу совершения политических и идеологических ошибок с непредсказуемыми последствиями. Тогда руководство страны от истории науки и техники хотело получать прежде всего не научный продукт, а материал для обоснования явных, а большей частью мнимых отечественных научно-технических приоритетов.

ИИЕ: кризис 1947–1948 гг.

Настоящий кризис в судьбе ИИЕ, который мог завершиться катастрофически, вплоть до уничтожения института, произошел в период с весны 1947 по весну 1948 г. Сотрудникам института того времени эти события были хорошо известны ¹³, а из сегодняшнего дня они слабо различимы. Только обнаруженные архивные дела о проходившей тогда кампании по перемещению ряда академических учреждений из Москвы в Ленинград пролили некоторый свет.

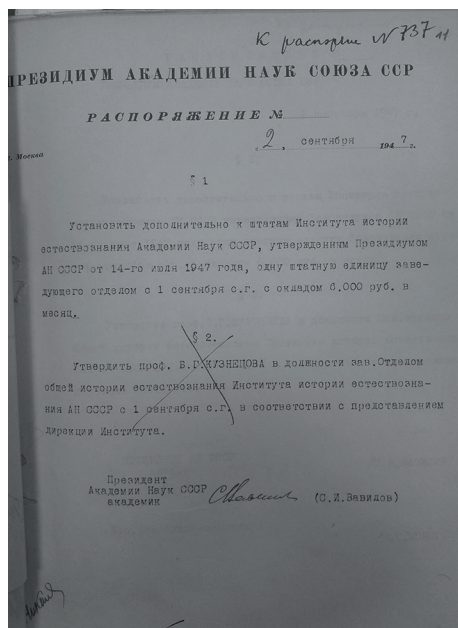
В ответ на жалобы Президиума АН СССР в лице президента Вавилова и академика-секретаря Н. Г. Бруевича о нехватке помещений, 19 апреля 1947 г. Совет Министров СССР принял постановление о перемещении восьми институтов, двух музеев и двух лабораторий Академии наук из Москвы в Ленинград ¹⁴. Однако в абсолютном большинстве ни руководство, ни ведущие научные сотрудники по разным причинам не соглашались покинуть Москву. В архивных делах сохранилось множество протестных писем руководителей институтов, и, судя по этим текстам, операция по их перемещению началась и проводилась втайне, без предварительного согласования и обсуждения. Встретив активное сопротивление, Вавилов 13 мая 1947 г. направил Бруевичу записку-«бегунок», в которой говорилось, что «придется обращаться в Совет Министров по вопросу об изменении списка

¹¹ Так, за 1947 г. ученый совет собирался только один раз. На бюро Отделения истории и философии АН СССР было указано на недопустимость такого положения и в постановлении рекомендовалось созывать ученый совет не реже четырех раз в год «с обсуждением принципиальных вопросов работы института и научных трудов, подготовленных к печати» (АРАН. Ф. 457. Оп. 1–48. Д. 101. Л. 27).

¹² *Илизаров С. С.* Формирование в России сообщества историков науки и техники. М.: Наука, 1993. С. 21.

¹³ Там же.

¹⁴ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1947. Д. 401. Л. 28–28а. Подробнее см.: *Илизаров С. С.* Неизвестная страница историографии истории науки: кризис 1947 года // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2019 / Гл. ред. Д. Ю. Щербинин, отв. ред. Р. А. Фандо. Саратов: Амрит, 2019. С. 94–99.

*Распоряжение Президиума АН СССР
с вычеркнутым текстом о назначении
Б. Г. Кузнецова заведующим отделом
общей истории естествознания
ИИЕ АН СССР, 2 сентября 1947 г.
(АРАН. Ф. 2. Оп. 13. Д. 37. Л. 11)*

Н. А. Фигуровский, конец 1940-х гг.

переводимых институтов»¹⁵. В итоге 14 января 1948 г. в академии состоялось распорядительное заседание, решения которого были оформлены постановлением Президиума АН СССР о переводе к 1 марта 1948 г. в первую очередь Института кристаллографии, Московского отделения Института языка и мышления им. Н. Я. Марра, Геологического музея, Института русского языка, Лаборатории аэрометодов. В этот-то список и оказался вдруг совершенно неожиданно включен Институт истории естествознания. Вряд ли столь малое учреждение могло попасть в данное постановление случайно. С учетом того, что создание ИИЕ было воспринято Вавиловым предельно негативно, трудно искать иное объяснение, кроме как его личное решение о переводе (читай упразднении) только-только возрождаемого института. Если такое предположение верно, то Вавилов не уловил «тренд» и не осознал той весьма значимой роли, уготованной истории науки и техники, которая уже реализовывалась на практике в разворачивавшейся тогда с невиданной силой внутренней идеологической войне с собственной творческой интеллигенцией. Впрочем, быстро развивавшаяся ситуация вскоре внесла полную ясность, и сам Вавилов и добровольно, и по положению руководителя советской науки возглавил

¹⁵ Там же. Л. 35.

историко-научное движение, апофеозом которого стала сессия Общего собрания АН СССР, проходившая в январе 1949 г. в Ленинграде.

Возвращаясь к постановлению от 14 января 1948 г., отмечу, что руководители московских учреждений обязывались не позже 20 января представить соображения о необходимых служебной и вспомогательной площадях, графики переезда, заявки на упаковочный материал и вагоны, списки перемещаемых в Ленинград сотрудников и т. д.¹⁶ Самая важная деталь: *для всех* перемещаемых структур в Ленинграде готовились новые площадки размещения, *кроме Института истории естествознания*.

ИИЕ: позиция Коштоянца

Как уже говорилось, Коштоянц как директор института не мог или не хотел регулярно заниматься административными делами, переложив оперативное руководство на своего заместителя Н. А. Фигуровского и ученого секретаря И. А. Полякова. Коштоянц неделями не появлялся в ИИЕ¹⁷. Между тем ситуация становилась настолько опасной, что на заседании ученого совета 20 января 1948 г. Юшкевич выступил с резкой критикой:

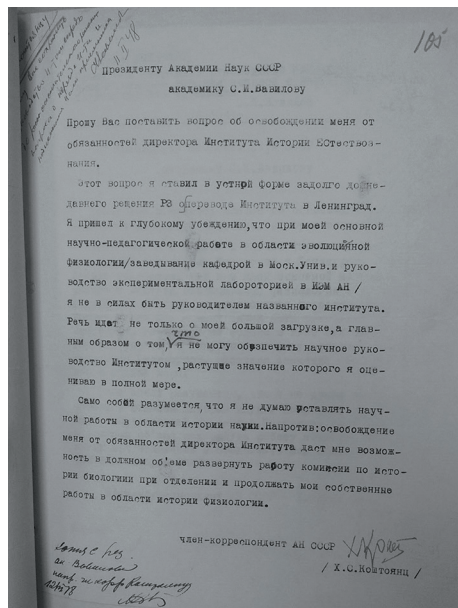
...наш директор уделяет институту недостаточно внимания, и я жалею, что его нет и на сегодняшнем заседании, самолетом можно управлять по радио, но управлять институтом по телефону нельзя. Я готов повторить это положение и в его присутствии. Если глава учреждения не уделяет внимания своему учреждению, результаты получаются неблагоприятные¹⁸.

Разумеется, критика дошла до того, кому адресовалась. 11 марта 1948 г., наконец, последовала запоздалая реакция Коштоянца. В небольшой записке на имя Вавилова он просил, якобы вне связи

¹⁶ Там же. Л. 97.

¹⁷ Как вспоминал его заместитель и одновременно зав. кафедрой в МГУ Фигуровский, Коштоянц, «будучи биологом-экспериментатором, сам, подобно мне, раздваивался в своих занятиях и бывал в институте далеко не ежедневно [...] В институт он приезжал не каждый день, иногда не бывал в институте по неделям [...] Вскоре мы с ним как-то разделили функции административного и научного характера и работали, в общем, дружно и доверительно» (Фигуровский Н. А. «Я помню...» Автобиографические записки и воспоминания / Сост., статья и примеч. С. С. Илизарова. М.: Янус-К, 2009. С. 499–500).

¹⁸ Илизаров. Формирование в России... С. 22. Спустя много лет, в начале 1982 г., в устном интервью Юшкевич рассказывал: «Я, вообще, был задиристый немножко. Я помню одно заседание ученого совета, на котором я позволил себе в адрес Коштоянца сказать следующее: «Дело в том, что Коштоянц прибежал на несколько минут обычно, срочно звонил домой, расспрашивал, что там делается дома, не забыли ли купить яйца, еще что-то такое, очень не относящееся к науке, потом немножко говорил — и исчезал» и далее следовала вышеприведенная реплика (Математики рассказывают / Сост. В. Б. Кузнецова. М.: Минувшее, 2005. С. 300).

Заявление Х. С. Коштойянца с резолюцией
С. И. Вавилова (АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1948.
Д. 401. Л. 105)

А. П. Юшкевич, 1952 г.

с решением о переводе Института истории естествознания в Ленинград, об освобождении от обязанностей директора. Как он писал,

я пришел к глубокому убеждению, что при моей основной научно-педагогической работе в области эволюционной физиологии (заведывание кафедрой в Моск. унив. и руководство экспериментальной лабораторией в ИЭМ АН) я не в силах быть руководителем названного института. Речь идет не только о моей большой нагрузке, а главным образом о том, что я не могу обеспечить научное руководство институтом, растущее значение которого я оцениваю в полной мере.

Само собой разумеется, что я не думаю оставлять научной работы в области истории науки. Напротив: освобождение меня от обязанностей директора института даст мне возможность в должном объеме развернуть работу комиссии по истории биологии при отделении и продолжить мои собственные работы в области истории физиологии ¹⁹.

Незамедлительным ответом Вавилова на это заявление стала резолюция: «Прошу Вас сохранить руководство и-том впредь до окончательного решения вопроса о переезде и-та и подыскания Вам преемника. С. И. Вавилов. 11.П.1948 г.». 12 февраля копия резолюции Вавилова была направлена Коштойянцу. Судя по всему, заявление последнего оказало воздействие на ситуацию, и, как известно, ИИЕ избежал уготованной ему участи. Более того, прошло заседание

¹⁹ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1947. Д. 401. Л. 105; АРАН. Ф. 411. Оп. 4а. Д. 154. Л. 217.

у академика-секретаря Отделения истории и философии (ОИФ) Б. Д. Грекова, посвященное перспективам организации научно-исследовательских работ по истории науки. Естественно, что информация о таком заседании и его результаты должны были быть доведены до научных сотрудников ИИЕ.

ИИЕ: стабилизация

25 марта ученый совет института слушал и обсуждал доклад директора об актуальных направлениях научных исследований по истории науки. Судя по сохранившейся стенограмме, Коштоянц на заседании у академика-секретаря больше всего «зацепили» слова руководителя Комиссии по истории техники (КИТ) ОТН АН СССР академика Б. Н. Юрьева о перспективности проведения экспериментальных работ в области истории науки и техники. В своем сообщении Коштоянц отметил, что в самой постановке вопроса об экспериментах по истории науки нет новизны, поскольку ранее уже проводились отдельные попытки выполнения таких работ для разрешения тех или иных задач, которые, впрочем, не получили широкого распространения²⁰. Доклад директора ИИЕ содержал много примеров успешного применения экспериментальных методов как в отечественной, так и в мировой практике: химические исследования разного рода красителей, анализ старинных металлических изделий, изучение рецептов изготовления фарфора и т. п. Многократно в качестве убедительного примера он обращался к результативным работам С. Л. Соболя по натурному изучению старинных оптических приборов — микроскопов. Упомянул Коштоянц и о своем участии в составе группы анатомов в исследовании в Эрмитаже древнеегипетской мумии для понимания применявшихся в древности анатомических приемов, говорил о совместном опыте армянских ученых по изучению древних медицинских рукописей (Амирдовлата Амасиаци и др.) и специалистов Ботанического института, сумевших перевести упоминавшиеся названия целебных растений в современную латинскую номенклатуру, что в результате позволило приготовить новые лекарственные средства, в том числе способствующие скорейшему заживлению ран. То были примеры практической полезности экспериментов. Далее Коштоянц говорил об иной стороне, о полезности постановки чисто историко-научных экспериментов, позволяющих повторять и, следовательно, проверять старые опыты, которые могут быть лучшим средством научной проверки гипотез, касающихся некогда изобретенного прибора, метода, решения приоритетных вопросов и пр., ссылаясь при этом как на весьма позитивный пример опять же на работы Соболя и на свои собственные. Перспективность данного направления Коштоянц связал

²⁰ АРАН. Ф. 1656. Оп. 1. Д. 192. Л. 2. Сам доклад и его обсуждение, наверное, целесообразно опубликовать как историографический памятник.

с задачами, стоящими при создании Музея истории науки. Будучи сам экспериментатором и широко эрудированным ученым, Коштойнец оперировал в своем докладе множеством интересных примеров историко-научного экспериментирования, макетирования и моделирования. В обсуждении приняли участие П. М. Лукьянов и С. Л. Соболев, более других знавшие толк в рассматриваемых проблемах.

Итак, весной 1948 г., т. е. после обращения Коштойнца к президенту АН СССР, последовало устное указание Вавилова о том, что институт может продолжать существование. Вроде бы все. Обошлось. Но тут подоспел август 1949-го.

ИИЕ и сессия ВАСХНИЛ

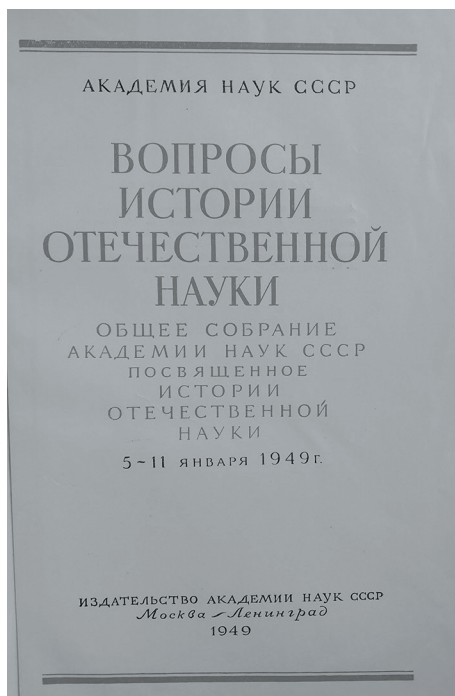
Институт истории естествознания, руководимый членом бюро ОБН АН СССР Коштойнцем, не назывался ни на августовской сессии ВАСХНИЛ, ни в последующем специальном постановлении АН СССР, тем не менее вопрос об особой ответственности института вставал неотвратимо. Вскоре в передовице газеты «Известия» упоминался ИИЕ, который не ставил и не разрабатывал такой важнейшей проблемы, как история мичуринского направления в биологии. 9 сентября 1948 г. состоялось заседание ученого совета ИИЕ на тему «Итоги августовской сессии ВАСХНИЛ “О положении в биологической науке” и Постановление Президиума АН СССР “О состоянии и задачах биологической науки в институтах и учреждениях АН СССР” от 26 августа и задачи, вытекающие для института». В обсуждении доклада Коштойнца приняли участие Фигуровский, Поляков, Соболев, Райков, Новиков, Кузнецов, Юшкевич²¹. Среди выступавших наибольшее усердие проявлял Поляков, бывший в то время ученым секретарем института и, по словам Фигуровского, одновременно секретарем партийной организации. Именно благодаря его стараниям был поставлен вопрос и создана специальная комиссия по определению роли Райкова в пропаганде «менделизма — морганизма — вейсманизма». В решении ученого совета ИИЕ от 9 сентября 1948 г. отмечалось как совершенно неудовлетворительное положение о том, что в плане работ института по всем отраслям знания, включая историю биологии, отсутствуют темы по советскому периоду. Не дожидаясь завершения календарного года, уже с осени в качестве центральной темы в план НИР вводилась «История борьбы с вейсманизмом — морганизмом — менделизмом в России и СССР» (исполнители И. Е. Глущенко, С. Л. Соболев, П. А. Новиков, А. Н. Студитский, Л. Ш. Давиташвили, Б. Е. Райков и И. А. Поляков). Весь план предполагалось полностью пересмотреть до 1 октября «в смысле его актуализации и подчинения задачам борьбы с идеализмом в науке»²². Видимо, в связи

²¹ Илизаров. Формирование в России... С. 22–23.

²² Там же. С. 24.

И. А. Поляков, 1947 г.

Вопросы истории отечественной науки, 1949 г.

с происходившим и стремясь насколько возможно дистанцироваться от торжествующего лысенкоизма, 12 октября Коштойанц подал новое заявление с просьбой освободить его от должности директора ИИЕ, но на сей раз он обращался не к президенту, а в Президиум Академии наук²³. В новом обращении аргументация и мотивировка повторялись прежние. Коштойанц остался директором института, но, видимо, само заявление давало какой-то минимум маневра и свободы действий.

Последствия сессии ВАСХНИЛ, как известно, касались не только биологии. Августовские страницы дневников Вавилова, при всей сдержанности, доносят охватившие его чувства унижения, отчаяния, непонимания происходящего: «В газетах извращенная лысенковская свистопляска. Вальпургиева ночь» (9 августа); «Вся эта история совершенно выбивает почву из-под ног. Наука теряет смысл» (23 августа); «Все так грустно и стыдно» (26 августа); «Из жизни почти полностью выбивается почва, чувство большого морального удара и полное непонимание, для чего все это нужно» (27 августа) и итоговая запись: «Август был мучительным, оскорбительным и подвел какую-то черту в жизни, черту нехорошую. Может быть, из жизни выдернут весь фундамент. Бессмысленное “муравьиное” бытие» (31 августа)²⁴.

²³ АРАН. Ф. 411. Оп. 4а. Д. 154. Л. 204.

²⁴ Вавилов. Дневники... С. 362–365.

Интересно, испытывал ли Вавилов, находясь на вершине советской науки, чувство ответственности и вины за происходящее? Страницы дневника об этом ничего не говорят. Зато в нем, пусть и предельно лаконично, зафиксированы многократные вызовы Вавилова в секретариат ЦК на разборки и совещания с Г. М. Маленковым и Д. Т. Шепиловым, с участием С. В. Кафтанова, Т. Д. Лысенко, Л. О. Орбели, а также бесконечные «покаянные» заседания Президиума Академии наук в стиле *teu culpa*. Об этом, если не ошибаюсь, не писали, но я думаю, что Вавиловым идея проведения своей, «нормальной» сессии — общего собрания Академии наук СССР, посвященного общенаучной и всех объединяющей теме «История отечественной науки», — идея, изначально выдвинутая в недрах ИИЕ²⁵, стала осознаваться как определенная контрверза постыдной ВАСХНИЛовской. Об этом говорит поспешность организации общего собрания, которое первоначально планировалось на ноябрь 1948 г. С другой стороны, такая сессия находилась в общем русле подобных же мероприятий, проходивших в стране, и Вавилов пришел к пониманию значения истории науки и, соответственно, Института истории естествознания, против существования которого еще недавно боролся, способных помочь хоть как-то смирить удар, нанесенный лысенковщиной по всей советской науке, поощряемой некомпетентной и безумной верховной властью.

Сессия Общего собрания АН СССР

Общее собрание АН СССР проходило с 5 по 11 января 1949 г. в Ленинграде. В том же году доклады, выступления, постановления и другие его материалы были изданы грузным коричневым томом в 911 страниц под названием «Вопросы истории отечественной науки». Здесь имеет смысл остановиться на тех нескольких осевых выступлениях и текстах, которые в большей мере характеризуют данный этап развития истории науки, понимание ее места, целей и задач.

Задавая общий тон, президент АН СССР Вавилов при открытии сессии Общего собрания специально остановился на том, какое место история знаний занимает в науке. По его словам, для многих и по сей день этот вопрос останется неясным, проблематичным, а само значение истории науки недооценивается. Он говорил: «Среди историков, с одной стороны, и специалистов по отдельным научным дисциплинам — с другой, нет единой точки зрения на историю науки», и дело настоящего собрания договориться по этому вопросу. Далее Вавилов пояснял, что для историков история науки — лишь небольшая часть истории культуры, которая связана глубокими корнями с историей общей, социальной, политической и экономической. Однако реализация

²⁵ АРАН. Ф. 457. Оп. 1—48. Д. 101. Л. 39, 42—45.

такой схемы, по мнению докладчика, в большинстве случаев сводится к тому, что история науки

механически выделяется из общей истории в виде сжатых и поверхностных очерков. Правда, включение истории науки в общую историческую схему, вероятно, фактически неосуществимо или, вернее, нерационально, поскольку размеры рассматриваемых политических и экономических событий и событий в науке совершенно различны. Подходить к тем и другим с одним и тем же масштабом практически нецелесообразно.

Дуализм, органически присущий истории науки, оттенялся в выступлении Вавилова, когда он рассматривал взгляды так называемого «ученого-специалиста» (естественника), который, по его словам, подходит к истории своей науки, в отличие от историков-профессионалов, совсем с иным масштабом.

Такой специалист, — довольно безжалостно отмечал докладчик, — увлекается частностями, отдельными идеями в науке, отдельными лицами, и обычно впадает в другую крайность — не видит из-за деревьев леса. История науки в понимании такого специалиста складывается чаще всего как механическая совокупность отдельных эпизодов и жизнеописаний. В лучшем случае прослеживается упрощенная и приглаженная, якобы логическая линия развития научных идей, притом обычно в отрыве от общей исторической среды и влияний²⁶.

Говоря о современном состоянии изучения истории отечественной науки, Вавилов отсылал слушателей к проходившей в дни работы сессии тематической книжной выставке, организованной Библиотекой Академии наук. Он говорил, что уже опубликовано, особенно в последнее время, очень много ценного фактического «сырого» материала, имеются издания трудов выдающихся ученых, архивные материалы, жизнеописания ученых, история отдельных научных и учебных учреждений, обществ и т. д. И на этом фоне очень мало синтетических исследований, устанавливающих линии развития науки в ее связи с общим историческим контекстом, в связи с логикой истории. Вступительное слово Вавилова содержало также рассуждения об особой актуальности изучения истории науки для академии, призванной бороться с позорным преклонением / раболепием перед иностранной наукой и т. п. Эту же тему под углом борьбы за приоритет в научно-технических открытиях поднимал в своем докладе «Некоторые задачи разработки истории отечественного естествознания» Коштойанц, причем он, пожалуй, единственный приводил реальные примеры незнания и потому недооценки достижений отечественной науки со стороны ряда западных специалистов. Как руководитель ИИЕ он совершенно разумно акцентировал внимание на успешных работах, выполненных сотрудниками института, уделяя несколько страниц текста трудам Райнова,

²⁶ Вопросы истории отечественной науки. Общее собрание Академии наук СССР, посвященное истории отечественной науки. 5–11 января 1949 г. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 10–11.

Соболя, полуопального Райкова, ссылаясь также на собственные историко-научные труды. Отдельный раздел Коштойанц посвятил проблеме применения экспериментов в изучении истории науки, в основном повторяя свой доклад на ученом совете ИИЕ 25 марта 1948 г. В конце выступления Коштойанца прозвучали идеи необходимости подготовки капитального многотомного труда по истории отечественной науки и техники, учреждения специального печатного органа и создания Музея истории науки и техники.

Тема оценки состояния исследований по истории науки и задачи, стоящие на этом пути перед Академией наук и перед ИИЕ, звучали в докладах и выступлениях Б. Г. Кузнецова, Н. А. Фигуровского, С. Л. Соболя, Г. А. Князева, А. П. Юшкевича, Б. М. Кедрова и мн. др. Сессия приняла развернутое постановление, в котором наряду с общими и обширными ритуально-риторическими пассажами содержалось много предложений, направленных на усиление ИИЕ, а также комиссий по истории наук при отделениях. В постановлении указывалась первоочередная задача — подготовка многотомного труда «История отечественной науки и техники» — и далее — изучение взглядов Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина на развитие науки и техники, подготовка работ по истории отдельных отраслей отечественной и иностранной науки и техники, трудов по философскому обобщению развития современного естествознания, научных биографий и библиографий классиков науки и техники и т. д., а в завершение — все те же извечные проблемы — вопрос об учреждении специализированного журнала и о создании Музея истории науки и техники, плюс вопрос о подготовке историко-научных кадров ²⁷. Это важное программное постановление, конечно, никогда не было в полном объеме выполнено, но в то же время оно сыграло большую, хотя и противоречивую роль в дальнейшей судьбе историко-научного сообщества.

Фигуровский, бывший в то время заместителем директора ИИЕ и принимавший активное участие в организации сессии Общего собрания 1949 г., на которой он также выступил с докладом, вспоминал о ней как о грандиозном мероприятии, на котором выступили виднейшие ученые страны. Вавилов в своих дневниках, мучаясь сомнениями, записывал:

Здесь открытие Ломоносовского музея в Кунсткамере. В сущности, трогательно, хорошо и нужно бы радоваться. Но опять люди, клезузы на Каплана, зависть и грусть. Вечером — сессия. Мое вступительное слово. Длинный «обтекаемый» доклад Митина. Попков, Лазутин... И опять усталость и больная голова (Ленинград, 5 января 1949 г.).

²⁷ Там же. С. 880–884. Здесь не рассматриваются доклады и выступления, а их было немало, авторы которых проводили острую, подчас истеричную по форме линию на идеологическое обострение ситуации в изучении истории науки и техники, выступавших с резкой критикой деятельности ИИЕ и т. п. Это заняло бы слишком большое место и увело бы в сторону от основного содержания.

Сотрудники Института истории естествознания АН СССР. Слева направо, нижний ряд: Э. Кольман, С. Л. Соболев, Н. А. Фигуровский, Х. С. Коштова, О. А. Старосельская-Никитина, В. П. Зубов. Средний («женский») ряд: В. И. Антропова, З. И. Шептунова, В. И. Макарова, Т. Ф. Бедретдинова, (?), Л. Я. Павлова, И. В. Батюшкова, Л. В. Каминер, О. А. Соколова, (?), Т. В. Качаунова, О. В. Красноухова. Верхний ряд: (?), Ю. С. Мусабеков, Н. И. Иванов, (?), Б. Г. Кузнецов, С. Р. Микулинский, Баклаев, В. А. Есаков, Ю. И. Соловьев. Москва, 1953 г.

Сессия идет своим чередом с лошадиными порциями исторических докладов, с фальшивыми выкриками Данилевского... (Ленинград, 9 января 1949 г.).

Тяжеловесная, не знаю, нужная или не нужная сессия по истории науки кончилась. В ней много было фальшивого, но было хорошее, настоящее. Ломоносовский музей, например. До известной степени: «Ныне отпускаеши». Усталость невиданная для меня [...] Чувство страшной тяжести, а вовсе не большого хорошего сделанного дела (Ленинград, 11 января 1949 г.).

Вернулись с Олюшкой из Питера 18-го после тяжелой, утомительной сессии, которую в «идеологическом» отношении пришлось провести почти одному. От этого ни гордости, ни корысти, нет и удовлетворенности. Просто очень большие килограмметры (Мозжинка, 22 января 1949 г.)²⁸.

²⁸ Вавилов. Дневники... С. 377–379. 10 апреля пресс-бюро «Правды» направило республиканским, краевым и областным газетам небольшой текст Вавилова «Разработка истории отечественной науки — большая патриотическая задача советских ученых», в котором среди прочего содержался важный абзац о том, что проблема изучения истории науки объединила представителей разных специальностей: «Оказалось, что на этом поприще совместная работа физиков, философов, историков, биологов и других специалистов особенно продуктивна и в немалой степени помогает выяснению тех сторон работы, которые затруднительны для каждого специалиста в отдельности. Этот хороший пример продуктивного сотрудничества следовало бы использовать чаще и в других наших начинаниях» (АРАН. Ф. 596. Оп. 1. Д. 210).

Общее собрание придало уверенности историкам науки в осознании общественной значимости своей деятельности и на какое-то время в целом обезопасило развитие отрасли. Вскоре после этого стали заметны позитивные изменения в количестве и полиграфическом качестве историко-научных изданий. Именно в этот период несколько наиболее выразительных новых публикаций сотрудников ИИЕ (Л. Ш. Давиташвили, Х. С. Коштоянца, П. М. Лукьянова, С. Л. Соболя) были отмечены Сталинскими премиями. Больше в нашей стране труд историка науки и техники никогда не оценивался столь высоко.

ИИЕ: перестройка 1949 г.

Спустя месяц после Общего собрания 1949 г. ученый совет рассматривал вопрос о перестройке работы ИИЕ в свете новых решений. В докладе Коштоянца особо подчеркивалось огромное идеологическое, политическое и патриотическое значение деятельности института, который

в настоящее время самым ходом истории советской науки, самым ходом идеологической борьбы нашего народа выдвигается на самый передний край этой идеологической борьбы, потому что в острой ожесточенной борьбе двух миров, в патриотической идеологической работе советских ученых совершенно исключительное значение приобрела работа в области истории науки. Поэтому перестройка с идеологической точки зрения прежде всего должна отталкиваться от этих глубоко партийных, патриотических и идеологических позиций ²⁹.

В записке, направленной в бюро Отделения истории и философии АН СССР 13 июня 1949 г., руководство ИИЕ (заместитель директора Фигуровский и ученый секретарь Поляков) просило об исключении из пятилетнего плана работ двух тем. Если с первой темой «Экспериментальные основы атомистики с конца XIX в. до нашего времени» и ее исполнителем Я. Г. Дорфманом никаких объяснений в свете государственной борьбы с «космополитами» не требовалось, то иначе было с другой. Чтобы оправдать снятие приоритетной темы «История русского естествознания XVIII века» (исполнитель Райнов, уволившийся из ИИЕ еще в 1947 г.), приходилось довольно неуклюже объяснять, что данное направление перекрыто рядом других отдельных монографий по истории науки XVIII в. и, вообще, внимание к отечественной истории-де значительно расширяется. С целью предупредить любые возможные сомнения по данному казусу со стороны отделения, авторы документа прибегли к довольно типичному для того времени, но подлому способу, доказывая, что исключение темы Райнова

²⁹ Илизаров. Формирование в России... С. 27.

фактически не означает невыполнение пятилетнего плана по указанному разделу, тем более что исполнитель, насколько известно дирекции института, не мог бы обеспечить необходимого идеологического уровня³⁰.

Данный пример, конечно, не единственный. Так, 18 марта 1949 г. кем-то из подчиненных Коштоянца для Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), возглавлявшегося Ю. А. Ждановым, был подготовлен подписанный Коштоянцем отзыв на брошюры И. В. Кузнецова («Характерные черты русского естествознания»), А. И. Бродского («Метод меченых атомов в химии»), Я. И. Френкеля («Теория жидкого состояния») и А. Г. Масевич («Что происходит в недрах солнца и звезд»), авторы которых были заклеены как злостные проводники космополитических, антинародных взглядов³¹.

Впрочем, клевета и доносы как способ доказательства любви к Родине особенно и не скрывались. Например, в «Литературной газете» 26 февраля 1953 г. в статье некоего А. Лежина «Дела и нравы Ботанического института», инициированной доносом сотрудника этого учреждения, клеймился как «морганист» историк науки Д. А. Лебедев, ставший работником институтской библиотеки, от предметного каталога которой «сильно отдаёт космополитическим духом — за каждой рубрикой на первом плане иностранная литература».

Итак, история науки и техники выдвинулась на передовые рубежи идеологического фронта³². Таков был общий социальный контекст и таковы были заданные руководством страны социальные функции советской истории техники и естествознания в начале второй половины XX столетия. В этих условиях продолжали работать и Институт истории естествознания, и президент АН СССР Вавилов, который стал главным проводником идеи об особом значении истории науки. Так, например, в массовом журнале «Техника — молодежи» он завершал свою статью словами, смысл и форма выражения которых звучат на редкость современно по прошествии семидесяти лет:

Нужно ли говорить, что экскурс в прошлое необходим для настоящего, для дела сегодняшнего дня и для нашей будущей работы? История науки — это теория развития науки, ее философия, это наука науки. История науки нужна каждому из нас, как и сама наука, для действия, для овладения природой, для

³⁰ Там же. С. 27–28.

³¹ Там же.

³² Всякая политическая кампания в тоталитарном государстве при решении истинных целей (расправа над противниками, террор и т. п.) довольно быстро затухает, и власть, как правило, теряет активный интерес к исполнителям и проводникам ее идей, забывает о своих обещанных благодеяниях. Так было и с отношением к истории науки и техники. В дневниковых записях Соболя за 13–14 апреля 1952 г. имеется следующая знаменательная фраза: «Встретил сегодня А. А. Максимов — предупреждал меня против чрезмерного преувеличения роли незначительных русских ученых прошлого» (АРАН. Ф. 670. Оп. 2. Д. 6. Л. 100).

изменения природы. Мы твердо убеждены, что наука, а с нею и история науки, – необходимое звено на пути развития социалистического общества ³³.

После кончины Вавилова 25 января 1951 г. некоторые начинания, и прежде всего грандиозный проект многотомной истории отечественной науки, стали сходить на нет. Но существованию ИИЕ, судя по всему, уже ничто не угрожало. Ощущение определенной стабильности тех лет донес Фигуровский в своих мемуарах:

Вскоре после моего прихода в институт его штат стал довольно быстро разрастаться. Пришло много новых сотрудников, преимущественно молодых, появилась аспирантура и докторантура. Дела стало прибавляться. Мне приходилось теперь иногда целые дни проводить в институте, занимаясь разными делами. Быстро разрасталась и издательская деятельность института. Рос его авторитет. Вначале институт работал в тесном контакте с комиссиями по истории естественных наук при отделениях АН СССР, затем постепенно эти комиссии ликвидировались, так как институт, расширившись, мог уже выполнить исследования почти по всем отраслям естествознания ³⁴.

После того как АН СССР возглавил А. Н. Несмеянов, а должность главного ученого секретаря сохранил А. В. Топчиев, для Фигуровского – фактического руководителя Института истории естествознания – наступили благоприятные времена. Все они по профессии были химиками, а с Топчиевым у него были давние дружеские отношения. Судя по всему, по мере ослабления идеологических кампаний, которые по своей природе, как правило, не могут быть очень долгими, ситуация в ИИЕ была в целом относительно нормальной. К началу 1952 г. штат института возрос до 40 сотрудников по сравнению с 28 в 1949 г. Это позволило начать разработку структуры ИИЕ. Документы сохранили несколько вариантов. Согласно одному из них, предполагалось учредить следующие секторы: общей истории отечественного естествознания, истории физико-математических и химических наук, истории геолого-географических наук, истории биологических наук и научно-вспомогательные отделы – библиографический, учета архивных фондов и рукописей, иконографии, фильмографии, научную библиотеку, специальные химическую и фотолабораторию ³⁵.

Конечно, не следует идеализировать ситуацию и забывать о запрете на изучение истории зарубежной науки, об опасности «заразиться» буржуазным идеализмом, впасть в раболепие и низкопоклонство перед «буржуазным Западом», недооценивая отечественные всеобщие приоритеты и, наконец, не оказаться заподозренным в космополитизме. Последнее «прегрешение» в совокупности с обвинением в «вейсманизме-морганизме» послужило основанием для увольнения

³³ Вавилов С. И. За создание истории отечественной науки // Техника – молодежи. 1949. № 3. С. 8.

³⁴ Фигуровский. «Я помню...»... С. 504.

³⁵ Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 17. Д. 418. Л. 4.

А. Е. Гайсиновича. Правда, попытка Фигуровского, за которым, конечно, стоял Коштойнец, избавиться от Юшкевича со смехотворным обоснованием — в связи с уточнением плана НИР на 1953 г. — не увенчалась победой. За него, уже тогда известного историка математики, вступились мощные научные силы, и специальным решением распорядительного заседания бюро ОИФ АН СССР от 8 мая 1953 г. Юшкевич был восстановлен в должности.

ИИЕ: накануне

Вторая половина 1952 г. была отмечена двумя важными событиями. 28 сентября датировано последнее «гениальное творение» Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», а вскоре, с 5 по 14 октября, прошел девятнадцатый, последний сталинский съезд КПСС. Академия наук СССР и особенно институты общественных наук не могли не отозваться на эти «эпохальные» в контексте позднейшего сталинизма события. В Отделении истории и философии АН СССР под руководством академика-секретаря Грекова была образована специальная комиссия, от имени которой институтам поручалось составить докладные записки с ответом на следующие вопросы:

1. Какие основные проблемы разрабатываются в данной отрасли науки?
2. Какие наиболее важные проблемы следует ввести дополнительно?
3. Каково состояние данной отрасли науки сравнительно с зарубежной наукой?
4. Какие необходимы организационные мероприятия для того, чтобы обеспечить первое место данной отрасли науки?
5. Вопросы подготовки кадров.
6. Улучшение информации о наших достижениях в советской и зарубежной печати.
7. Состояние критико-библиографической работы ³⁶.

В поручении особо отмечалась необходимость при составлении докладной записки привлекать как отдельные секторы, так и ведущих работников институтов.

Дирекция ИИЕ, получив распоряжение, оперативно составила записку для секторов с заданием дать предложения по анализу состояния истории естествознания в целях обеспечения соответствующих мероприятий, необходимых для ее быстреего развития. Положив в основу вопросник, присланный из ОИФ, руководство ИИЕ акцентировало внимание на том, чтобы научные подразделения института ответили на вопросы: а) какие проблемы к настоящему времени разрабатываются советскими историками науки; б) какие проблемы не находятся в их поле зрения и должны быть включены в разработку, учитывая прежде всего необходимость противопоставить буржуазным историкам науки свою точку зрения; в) определить, какие острые

³⁶ АРАН. Ф. 670. Оп. 1. Д. 75. Л. 12.

вопросы истории науки ставятся зарубежными специалистами, в частности по вскрытию закономерностей истории науки в наиболее важные исторические периоды в наиболее важных странах. В Институте истории естествознания, как и в других институтах ОИФ, решили воспользоваться создавшейся ситуацией и сформулировать максимально возможные запросы и пожелания для дальнейшего развития своей отрасли. Так, в ИИЕ при декларировании необходимости разоблачения фальсификаций буржуазных историков науки секторам предлагалось наметить необходимые научно-организационные мероприятия,

не ограничивая себя в этом направлении ничем, с тем чтобы это было государственно мотивировано, в таких областях, как создание музеев истории естествознания, создание экспериментальных лабораторий, создание библиографической службы, создание библиотек, иконографических и иных фондов ³⁷.

Этот документ в своей постановочной части носил вполне концептуальный характер. Например, при рассмотрении базовой проблемы в подготовке и воспроизводстве кадров историков науки заострялся вопрос об их языковой подготовке, поскольку расширение фронта исследования в области мирового естествознания невозможно без профессиональных научных работников, знающих языки, — не только европейские, но и восточные, и древние. Секторам предлагалось также обсудить вопрос о необходимости и целесообразности публикации работ советских историков науки на других языках, помимо русского, или же о параллельной публикации на русском и каком-нибудь из иностранных языков, или же о публикации советских работ в зарубежных профильных изданиях. Библиографическому сектору ИИЕ поручалось составить полный перечень зарубежных журналов для обоснования необходимости создания в СССР журнала по истории науки. Сектора ИИЕ должны были представить свои соображения не больше чем на шести машинописных страницах к 1 декабря 1952 г.

Развернутую записку в половину авторского листа о состоянии разработки истории биологии, геологии и географии и о мероприятиях, необходимых для их быстреего развития, строго к установленной дате представил заведующий сектором истории биологических и геолого-географических наук, доктор биологических наук, профессор С. Л. Соболев ³⁸. Именно его текст составил основу записки «О состоянии и мерах развития истории естествознания» (15 страниц машинописи через 1,5 интервала), посланной Институтом истории естествознания в ОИФ за подписью директора Коштыянца ³⁹. Подготовленные документы весьма интересны тем, что в них, с одной стороны, зафиксирован определенный уровень дисциплинарного развития истории естествознания, а с другой — содержится перечень надежд и ожиданий историко-научного сообщества по состоянию на конец 1952 г.

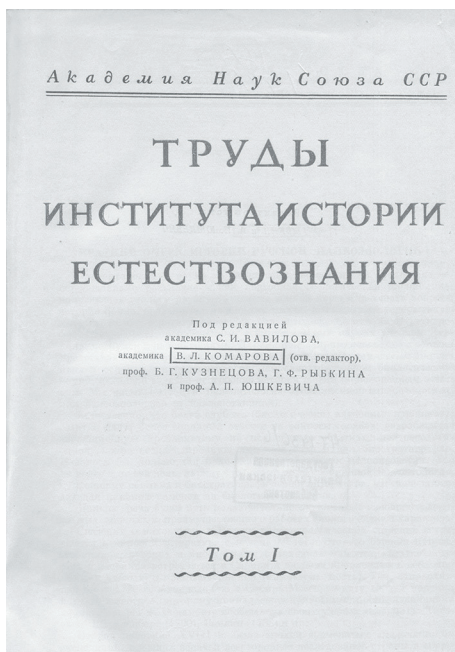
³⁷ Там же. Л. 13.

³⁸ Там же. Л. 1–11. Записка Соболева датирована 28–30 ноября 1952 г.

³⁹ АРАН. Ф. 457. Оп. 1–52. Д. 220. Л. 98–112.

С. Л. Соболев, 1945 г.

Труды Института истории естествознания. 1947. Т. 1

Необходимо обратить внимание на характерную инверсию: описание состояния развития в СССР истории естествознания фактически сводилось к характеристике деятельности Института истории естествознания.

Работы по истории естествознания, как отмечалось в документе, осуществлялись еще в XIX в. и в советское время, но только с 1940-х г., после того как «по инициативе» Сталина в системе АН СССР был создан специальный Институт истории естествознания, началась систематическая разработка вопросов истории отечественной науки. Так, за последнее десятилетие опубликован ряд крупных монографий по истории отечественной физиологии животных, микроскопии, палеонтологии, эволюционного учения, географических открытий, физики, химии, математики и др., изданы научные биографии многих русских естествоиспытателей, переизданы с необходимым научным аппаратом классические труды ряда отечественных ученых. Названные в записке в общей форме отдельные труды имели вполне конкретных авторов: Х. С. Коштыянец (история отечественной физиологии животных), С. Л. Соболев (микроскопия), Л. Ш. Давиташвили (палеонтология), Б. Е. Райков (эволюционное учение), Н. А. Максимов (ботаника) Л. С. Берг, М. С. Боднарский, Д. М. Лебедев (история географических открытий), А. Я. Скороходов (медицинская микробиология) и т. д. В доказательство успешности работ за период 1941–1951 гг. приводились статистические данные по количеству изданий: пять томов

«Трудов Института истории естествознания», 870 книг, 3453 статей в журналах и сборниках ⁴⁰. Анонсировался также как уже сданный в производство трехтомный коллективный труд «История естествознания в России», первый том которого выйдет только в 1957 г., а все издание завершится в 1961 г.

Как известно, первое десятилетие существования ИИЕ проходило в условиях жесточайшего изоляционизма и сужения исследовательского поля, когда история науки была низведена до истории естественных наук и ограничена пределами отечественной тематики. Понимание ущербности такого состояния нашло отражение в записке ИИЕ, в которой декларировалась необходимость изучения сначала истории естествознания во всех «главных» странах, а затем и создание капитальной всеобщей истории. При этом ставилась задача подготовки научных биографий выдающихся «деятелей человечества» — Ч. Дарвина, И. Ньютона, Г. Галилея, Н. Коперника, П.-С. Лапласа, Ж.-Б. Ламарка, Л. Пастера, К. Линнея, У. Гарвея и т. д.

В записке удачно отмечались трудности и противоречия, стоящие на пути развития истории естествознания. Для создания подлинно научной истории науки необходим исчерпывающий фактический материал «бесспорного научного достоинства». Но уже выявленный советскими историками науки фактический материал еще очень невелик, а кадры самих профессиональных историков науки чрезвычайно ограничены. Поэтому со стороны фактической истории естествознания остается огромное множество белых страниц, неясных, спорных моментов и т. п. Оптимистично и неустаревающе до настоящего времени звучат слова в записке о том, что буквально каждому, кто приступает к разработке того или иного вопроса, удастся без особо длительных поисков натолкнуться на то или иное открытие значительного характера, о том, что необходимо всемерно поддерживать работу по изысканию и описанию жизни и творчества отдельных ученых, описанию и анализу исследовательских работ отечественных ученых XVIII–XIX вв., переводу и изданию с комментариями латинских диссертаций и работ, изданных впервые русскими учеными на иностранных языках, составлению историй университетов и научных учреждений, выявлению и публикации особо важных архивных документов, связанных с историей науки в России, и т. п.

Критика безыдейной, загнивающей, буржуазной, идеалистической, антинаучной, реакционной западной истории науки, пронизывающая весь текст записки, позволяла ее автору, точнее авторам, ставить и обнажать в достаточно острой форме собственные проблемы.

⁴⁰ В этом месте документа (Л. 100) вымарана сноска с интересным примечанием, содержащим информацию о публикационной активности ИИЕ в период 1941–1951 гг. По числу опубликованных книг: 38, 5, 14, 51, 68, 80, 139, 142, 177, 137 изданий. Соответственно динамика публикации статей в журнальном формате: 173, 46, 124, 152, 318, 336, 405, 575, 570, 498, 256 и отмечено, что 1951 г. учтен не полностью.

Серьезным недостатком, – отмечалось в рассматриваемом тексте, – в работе советских историков науки является то, что мы публикуем значительно меньше хорошо документированных и прекрасно иллюстрированных монографий по отдельным проблемам и жизни отдельных ученых, чем это делается на Западе ⁴¹.

Также, сравнивая ситуацию у нас и на Западе, в записке говорилось, что почти ежегодно в различных странах появляется по несколько превосходно изданных факсимильных переизданий значительных научных произведений прошлых веков, у нас такого рода издания совершенно отсутствуют. Но куда более важным обстоятельством, тормозящим общее развитие, являлось отсутствие советского историко-научного журнала. При этом на Западе имелось большое число журналов и продолжающихся изданий по истории науки, содержащих, наряду с исследовательскими материалами, информацию о научной деятельности профильных учреждений разных стран по истории науки, обширный рецензионный и библиографический материал, множество кратких сообщений о вновь обнаруженных работах ученых прошлого, о старинных научных инструментах и методах исследования, некрологи и юбилейные заметки и т. д. К числу крупнейших недостатков в сравнении с западноевропейскими странами относилось отсутствие точных и достоверных библиографических и биобиблиографических словарей и справочников. Даже небольшие страны типа Дании, Норвегии и т. п. сумели создать обширные многотомные биобиблиографические словари своих ученых и деятелей науки в различных областях. Поэтому, говорилось в записке,

надо прямо сказать, что мы не знаем того огромного наследия, которое нам оставили наши ученые прошлых времен. Каждому историку, приступающему к работе по какой-либо теме, приходится самостоятельно приступать к систематическому просмотру всех старых журналов с целью отыскания необходимых ему материалов. Это приводит к крайне неэкономной трате сил и времени ⁴².

Отдельной темой поднимался вопрос о создании Музея истории науки. Приводились многочисленные примеры успешного развития таких музеев в разных странах – как крупных, так и небольших. Естественно, что в условиях того времени невозможно было вспоминать и писать, что такой музей в середине 1930-х гг. уже практически существовал в Ленинграде при репрессированном Институте истории науки и техники АН СССР. Поэтому в записке с горечью говорилось лишь о единственном небольшом музее М. В. Ломоносова, о том, что имеющийся при ИИЕ АН СССР музей по истории микроскопа и микроскопической техники, обладающий одним из самых мощных в мире собраний подлинных микроскопов, микропрепаратов и

⁴¹ Там же. Л. 103.

⁴² Там же. Л. 104–105.

аппаратуры по микротехнике, влачит жалкое существование ввиду отсутствия помещения, сотрудников и каких бы то ни было денежных средств. В столь же плачевном состоянии находятся мемориальные музеи И. М. Сеченова, К. А. Тимирязева и др. Происходит постоянное разрушение и исчезновение старинных подлинных инструментов, приборов и т. п. В тексте записки эмоционально выражено справедливое недоумение:

При наличии у нас мощных историко-археологических музеев совершенно непонятно, почему в нашем великом богатом государстве до сих пор не создан Музей по истории отечественной науки и техники ⁴³.

После обозначения основных «болевых точек» в записке далее рассматривались меры, необходимые для того, чтобы советская история науки могла в ближайшие годы занять первое место в мире. Они сводились исключительно к усовершенствованию работы Института истории естествознания. Предлагалось сосредоточить в ИИЕ всех крупнейших историков науки по всем разделам естествознания; предоставить институту достаточное количество младших научных сотрудников, работающих под руководством старших научных сотрудников; в помощь им создать в институте достаточно мощный библиографический и технический аппарат, включая организацию иконотеки по истории естествознания, состоящей из качественно отличных репродукций портретов ученых, фотографий приборов, инструментов, опытных установок, лабораторий, зданий институтов и вузов, гравюр и рисунков и т. п., выполненных по первоисточникам; создать в институте хорошо организованную библиотеку, включающую как сочинения и журналы по истории естествознания и вспомогательную литературу, так и подлинные старинные сочинения по различным разделам естествознания; немедленно предоставить институту достаточное помещение, обеспечивающее возможность устройства рабочих мест для научных сотрудников, а также для размещения библиотеки, библиографических картотек, музея по истории микроскопа и микротехники, хранилища для собираемых памятников науки по другим разделам естествознания, фотолаборатории и механической мастерской; приступить, помимо издания «Трудов ИИЕ» и «Научного наследства», в 1953 г. к организации журнала по истории естествознания с периодичностью в шесть номеров в год; немедленно приступить к собиранию памятников по истории науки в качестве подготовительного мероприятия по созданию в будущем Музея по истории отечественной науки и техники.

В записке ИИЕ, посланной в ОИФ, звучали и другие предложения, такие как, например, подготовка учебников по истории естественных наук для профильных факультетов и вузов и учебника по общей

⁴³ Там же. Л. 106. Эта фраза, как и многие другие места в записке Коштойнца, взята без изменений из записки Соболя, собравшего выдающуюся музейную коллекцию старинных микроскопов; для него вопрос о Музее истории науки был сущностно важным.

истории естествознания для гуманитарных факультетов, или регулярный созыв съездов и конференций по истории науки, но при этом не было ни слова о международном сотрудничестве, о вхождении советских историков науки в зарубежные и международные союзы и общества.

Дисциплинарное развитие той или иной области научного знания зависит от наличия и нормального функционирования всей необходимой инфраструктуры, но без решения кадровой проблемы оно попросту невозможно. Этому сложному для реализации вопросу в записке уделялось много внимания. Представляет актуальный интерес описание параметров и компетенций, необходимых для профессиональной работы в области истории науки: а) отличное знание той дисциплины, историей которой научный работник намерен заниматься; б) хорошее знание всеобщей истории науки; в) хорошее знание политической и экономической истории; г) хорошее знание истории философии, истории культуры, истории литературы и даже истории искусства; д) знание нескольких иностранных языков — одного древнего (особенно латинского), английского, немецкого и французского, а для желающих работать по истории науки в странах народной демократии также и знание соответствующего языка, например, польского, чешского, болгарского, венгерского, китайского. По мысли авторов записки, основной путь воспроизводства кадров — это аспирантура, причем набор преимущественно должен был осуществляться путем направления в аспирантуру при ИИЕ АН СССР

естественников, которые в процессе прохождения занятий в вузах обнаруживали большую успеваемость и общую высокую культурность, но не обладали вкусом или способностью к экспериментальной исследовательской работе.

Допускалось также и некоторое количество аспирантов с философских и исторических факультетов

при условии обнаружения у данных лиц особого интереса к той или иной области естествознания и при согласии этих лиц изучить дополнительно интересующую их область на естественно-исторических факультетах ⁴⁴.

Программа развития в СССР истории естествознания, сформулированная в конце 1952 г., в полном виде никогда не была реализована, и советская история естествознания не сумела занять «первое место в мире», хотя в 1970–1980-х гг. была в числе лидеров. Произошло это не только из-за чрезмерно завышенных надежд и ожиданий. В эволюционный процесс развития профессиональной истории науки вмешался случай.

⁴⁴ Вопрос о кадрах, как и многие другие значимые эпизоды в записке ИИЕ — Коштова (АРАН. Ф. 457. Оп. 1–52. Д. 220. Л. 109–110) были полностью заимствованы из текста Соболя (АРАН. Ф. 670. Оп. 1. Д. 75. Л. 10–11).

Параллельный мир: КИТ ОТН АН СССР

Во второй половине 1970-х гг., работая в секторе истории СНТР, я слышал от С. В. Шухардина — руководителя сектора — о том, что незадолго до образования в 1953 г. Института истории естествознания и техники существовал проект по созданию Института истории техники. По его словам, эта идея была близка к реализации и были пройдены все согласительные инстанции, но на конечном этапе кем-то был «поднят флажок». Шухардин знал, что говорил, поскольку с 1949 г. как ученый секретарь Комиссии по истории техники Отделения технических наук находился в эпицентре тех событий. Спустя годы, когда стали доступны воспоминания Фигуровского, прямого участника насильственного объединения ИИЕ с КИТ и создания ныне существующего ИИЕТ, рассказ Шухардина получил совершенно достоверное, хотя и косвенное подтверждение. Но, оказывается, сохранились и прямые документальные свидетельства ⁴⁵.

Для начала краткий экскурс в историю КИТ, которая восходит к группе по разработке проблем истории техники Урала, созданной в 1942 г. во главе с академиком И. П. Бардиным. В 1944 г. эта группа была преобразована в КИТ при бюро ОТН АН СССР. В первый состав КИТ, руководимой академиком Б. Н. Юрьевым, входили академики А. А. Байков, И. П. Бардин, Э. В. Брицке, Н. Г. Бруевич, Н. Т. Гудцов, Г. М. Кржижановский, Л. С. Лейбензон, В. Н. Образцов, В. Л. Поздюнин, С. Г. Струмилин, А. М. Терпигоров, члены-корреспонденты АН СССР И. И. Артоболевский, В. В. Голубев, В. И. Коваленков, М. А. Шателен, а также доктора наук В. В. Данилевский, А. А. Зворыкин и Н. И. Фальковский ⁴⁶. В 1940-е гг. главной движущей силой и основным исполнителем КИТ был Данилевский.

Председатель Комиссии по истории техники Юрьев, несмотря на дворянское происхождение (сын артиллерийского офицера), в условиях СССР сумел сделать более чем успешную карьеру: стал генерал-лейтенантом инженерно-авиационной службы, членом АН СССР и т. д. ⁴⁷ Помимо воинской службы Юрьев участвовал в работах научного комитета Главного управления военно-воздушных сил Красной армии, Комиссии по тяжелой авиации, Комитета по делам изобретений, Завода № 39 (консультант), ВАК ВКВШ при СНК СССР, являлся председателем Комиссии по рассмотрению проектов самолетов в Народном комиссариате авиационной промышленности (председатель) и т. д. После избрания в 1943 г. академиком и особенно после того как в 1948 г. Юрьев оставил военную службу, он преимущественно работал в структурах АН СССР — бюро ОТН, Совете филиалов

⁴⁵ Первым их опубликовал Ю. И. Кривоносов. См.: *Кривоносов Ю. И.* «Вопрос об организации института... снят с обсуждения» // *ВИЕТ*. 2006. № 2. С. 114–127.

⁴⁶ АРАН. Ф. 395. Оп. 1 (43–45). Д. 17. Л. 3.

⁴⁷ Подробнее о Б. Н. Юрьеве см.: *Илизаров*. *Метаморфозы истории науки и техники...* С. 26–27.

С. В. Шухардин, 1949 г.

Б. Н. Юрьев, 1947 г.

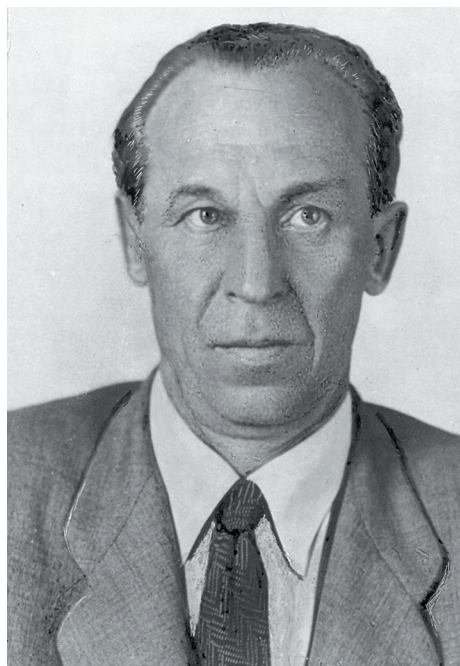
АН СССР и т. д. Фигуровский, знавший не понаслышке работу КИТ, поскольку был ее членом, возможно и несколько предвзято, оценивал ее весьма невысоко. Он вспоминал:

Среди комиссий по истории науки при отделениях работала (очень неважно) Комиссия по истории техники при ОТН АН СССР. Мы о ней долгое время почти не слышали. Она ничего не выпускала, хотя имела штат научных работников ⁴⁸.

Деятельность КИТ в основном выражалась в проведении разного рода совещаний и конференций. Заметным событием стало второе «издание» (после 1929 г.) преподавания курса по истории науки и техники в вузах страны. В январе 1948 г. Министерство высшего образования СССР издало соответствующий приказ, что вселило надежды на активизацию работы в данной отрасли, но эта кампания кончилась, как и все другие — преподавание истории науки и техники и на этот раз быстро сошло на нет.

17 ноября 1949 г. по отчету о научной деятельности, состоянии и подготовке кадров КИТ за девять месяцев текущего года Президиум АН СССР принял весьма грозное развернутое постановление, в котором указывалось на допущенные «серьезные идеологические промахи» и «серьезные недостатки в работе», впрочем, само постановление при этом не содержало каких-либо конкретных имен виноватых в таком положении дел. Цель, вероятно, была иной. В утвержденном новом

⁴⁸ Фигуровский. «Я помню...»... С. 513. Комиссия в 1949 г. имела восемь штатных единиц.

А. М. Самарин, конец 1940-х гг.

В. А. Голубцова, 1952 г.

составе КИТ среди 25 известных академиков, членов-корреспондентов и докторов наук появилась кандидат технических наук В. А. Голубцова, которая и стала главной движущей силой в цепи событий начала 1950-х гг. Постановление президиума дало толчок к разработке организационной структуры КИТ. Планировалось учредить четыре секции: общих и методологических вопросов, машиностроения и транспорта, энергетики и связи, горно-металлургической и химической промышленности. Вскоре, 22 октября 1951 г., в бюро ОТН АН СССР за подписью А. М. Самарина и ученого секретаря С. В. Шухардина была отправлена записка о совершенствовании структуры КИТ и организации уже шести секторов: энергетики, горно-металлургического, транспортного, авиации и воздухоплавания, машиностроения и строительного, «задача которых состоит в предварительном просмотре текстов докладов и рецензировании работ, публикуемых по истории техники»⁴⁹. Это деление будет воспроизведено при создании ИИЕТ, что сделает его структуру эклектичной и нежизнеспособной; тем не менее она оставалась такой десять лет.

По не очень сегодня понятным причинам (но о мотивах догадаться можно) в середине 1950 г. член-корреспондент АН СССР Самарин заменил академика Юрьева на посту председателя КИТ с сохранением за последним поста заместителя председателя. В отличие от Юрьева, по многочисленным отзывам современников замечательного педагога,

⁴⁹ АРАН. Ф. 395. Оп. 1–52. Д. 162. Нумерация листов нарушена.

стремившегося содержательно и осмысленно руководить Комиссией по истории техники, Самарин — специалист-металлург — был далек от историко-технических вопросов, и для него место председателя КИТ, а затем и директора ИИЕТ было не более чем промежуточной ступенью⁵⁰. В 1952 г. заместителем председателя КИТ, т. е. Самарина, стала Голубцова, жена могущественного советского «дофина», а затем, после смерти диктатора, недолгого премьера СССР Г. М. Маленкова. Ее роль в этой истории и в конечном счете в судьбе Института истории естествознания окажется весьма значимой.

21–25 апреля 1952 г. КИТ провела большое совещание по истории техники, в работе которого приняли участие свыше 400 человек. Выступавший на совещании президент АН СССР А. Н. Несмеянов отметил необходимость создания Института истории техники ввиду отсутствия единого профильного методического, организационного и научно-теоретического центра⁵¹. К этому моменту уже работала специальная комиссия из представителей Академии наук СССР и Министерства высшего образования СССР, в составе которой были также Самарин, Голубцова и Шухардин, и все необходимое документирование довольно сложного процесса создания Института истории техники (ИИТ) внутри АН СССР завершилось.

Призрак Института истории техники ОТН АН СССР

23 февраля 1952 г. главный ученый секретарь Президиума АН СССР Топчиев направил информационное письмо министру высшего образования СССР В. Н. Столетову, в котором сообщал о том, что Президиум Академии наук планирует возбудить ходатайство перед Советом Министров СССР об организации в системе Академии наук Института истории техники. В связи с этим, говорилось в письме, возникают вопросы о координации научно-исследовательских работ по истории техники, проводимых в высших учебных заведениях и отраслевых научно-исследовательских институтах, а также о подготовке руководящих научных кадров по истории техники. Для их оперативного решения от Министерства высшего образования СССР просили выделить компетентного представителя для участия в работе Комиссии по подготовке проекта постановления Совета Министров СССР об организации ИИТ АН СССР⁵².

Затем в адрес Президиума Совета Министров СССР была подготовлена записка «О создании Института истории техники Академии

⁵⁰ См.: Самарин Александр Михайлович / Сост. Р. И. Горячева, М. М. Громова. М.: Наука, 2002 (Материалы к биобиблиографии ученых. Технические науки. Metallургия. Вып. 11).

⁵¹ Шухардин С. В. Развитие научных исследований по истории техники (к итогам первого совещания по истории техники) // Вестник АН СССР. 1952. № 9. С. 114.

⁵² АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26. Л. 5.

наук СССР» уже за подписью президента и главного ученого секретаря Президиума Академии наук. В преамбуле документа имелись ссылки на решения ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, гениальные труды Сталина по вопросам языкознания, указавшие пути дальнейшей работы в области изучения истории техники. Далее назывались причины, мешающие развитию истории техники. Это отсутствие единого плана и научного центра, способного направлять и координировать научную работу в этой области; случайность тематики работ, в значительной степени определяющейся интересами отдельных научных работников; издание и переиздание работ, возникновение которых объясняется лишь наличием выявленных архивных материалов; отказ от разработки тем, требующих больших исследований; отсутствие фундаментальных трудов по истории техники; недостатки выпускаемых работ, которые не дают достаточного научного анализа и синтеза в области техники и в значительной степени страдают объективистским перечислением исторических фактов. Все перечисленное, а также тезис о том, что до настоящего времени по существу не реализованы указания К. Маркса о необходимости разработки критической истории технологии, указания В. И. Ленина о необходимости диалектической обработки истории техники, не сделаны все выводы из работ «товарища Сталина, где подчеркивается исключительная роль для человеческого общества развития производства, орудий труда», и т. п. вообще-то подводило к вопросу: а чем занималась КИТ на протяжении десяти лет своего существования? Такой формулировки в документе конечно не было, а имелся вывод о том, что существующая в системе ОТН АН СССР Комиссия по истории техники уже не удовлетворяет возросшей потребности в изучении истории техники, не может обеспечить выполнение всех серьезных задач, стоящих перед этой областью науки, в создании глубоких капитальных трудов по истории развития техники не только дореволюционного периода, но «особенно периода сталинских пятилеток»⁵³.

Далее по законам канцелярской композиции в записке следовала содержательная часть, т. е. предложение Академии наук СССР подумать о целесообразности организации на базе Центрального политехнического музея и Центральной политехнической библиотеки в Москве, принадлежащих Всесоюзному обществу политических и научных знаний, Института истории техники АН СССР с возложением на него

разработки богатейшего наследия классиков марксизма-ленинизма по вопросам истории техники, научное установление отечественного приоритета в важнейших открытиях и изобретениях, систематические исследования по вопросам истории техники⁵⁴.

В обоснование операции по изменению статуса Политехнического музея и Политехнической библиотеки и перевода их в систему

⁵³ Там же. Л. 3.

⁵⁴ Там же. Л. 5

Академии наук выдвигались аргументы о том, что в настоящее время возможности музея полностью не используются, в нем не проводится научно-исследовательская работа, не обобщаются достижения советской техники. В случае перехода музея в АН СССР фонды музея станут базой для организации изучения вопросов истории техники и обобщения технических достижений Советского Союза в масштабах всей страны, т. е. в отраслевых НИИ, высших учебных заведениях и на предприятиях, а не только в самой академии. Кроме того, в новых условиях станет возможным привлечение научных сил Академии наук к участию в музейных работах, что значительно улучшит пропаганду достижений советской науки и техники.

В свою очередь, Центральная политехническая библиотека, основанная в 1864 г. и являющаяся старейшей научно-технической библиотекой Москвы и единственной в СССР специализированной политехнической библиотекой, лишь недавно, в 1947 г., была передана в ведение Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. Книжный фонд библиотеки к тому времени превышал 1 500 000 печатных единиц и ежегодно увеличивался на 100 000 единиц, и, таким образом, возможности библиотеки давно переросли требования общества, а потому передача библиотеки в систему АН СССР дала бы возможность шире использовать ее богатые фонды в научных целях. В итоге всей операции Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний получило бы хорошую научную базу, которая значительно повысила бы качество проводимых им лекций, бесед и т. п.⁵⁵

К записке прилагался проект постановления Совета Министров СССР «О создании Института истории техники Академии наук СССР». В этом документе содержались конкретные статьи с определением статуса нового учреждения и передаваемых ему безвозмездно с баланса на баланс структур. Центральный политехнический музей включался в состав Института истории техники на правах отдела института, а фонды музея должны были использоваться для создания отраслевых лабораторий. Центральную политехническую библиотеку предполагалось реорганизовать в Фундаментальную библиотеку отделения технических наук.

Новый институт должен был располагаться по известному адресу — Китайский проезд, д. 3/4, для чего планировалось вывести из этого здания ряд учреждений и организаций: Министерство рыбной промышленности СССР, Комитет по делам искусств при СМ РСФСР, патентный отдел Управления по стандартизации при СМ СССР и редакцию «Учительской газеты», а также выселить всех жильцов. Освободившиеся помещения переходили Академии наук СССР на правах собственности, с определением порядка содержания всего здания дома между Академией наук СССР и Всесоюзным обществом

⁵⁵ Там же. Л. 4.

по распространению политических и научных знаний. Проектом постановления планировалось создание специальной комиссии в составе председателя Мосгорисполкома М. А. Яснова (председатель), управляющего делами СМ СССР М. Т. Помазнева, председателя СМ РСФСР Б. Н. Черноусова и А. В. Топчиева, которой поручалось в 10-дневный срок решить вопрос о размещении организаций и жильцов, помещавшихся в доме по указанному адресу, с учетом их выселения до 1 января 1953 г.

Институту истории техники для усиления пропаганды отечественного приоритета в важнейших открытиях и изобретениях в области техники поручалось сосредотачивать в своих фондах экспонаты, отражающие достижения Советского Союза в области техники. Для этого институту предоставлялось право производить отбор моделей и образцов машин, механизмов и приборов, разрешив министерствам и ведомствам их безвозмездную передачу.

Далее в проекте рассматривались бюджетно-финансовые вопросы, в том числе планировалось дополнительное выделение на организацию и содержание ИИТ и Фундаментальной библиотеки ОТН АН СССР в 1952 г. из резервного фонда Совмина СССР 1 млн руб. В результате штат Академии наук планировалось увеличить на 464 единицы сверх численности, установленной для нее на 1952 г., с соответствующим увеличением фонда заработной платы. Должностные оклады работников ИИТ АН СССР должны были соответствовать окладам в институтах Академии наук, а работников Фундаментальной библиотеки ОТН АН СССР — окладам работников Библиотеки АН СССР в Ленинграде. Причем в виде исключения за сотрудниками, переведенными на работу в ИИТ, разрешалось сохранить все льготы и преимущества в отношении материального обеспечения и жилищного устройства, которыми они пользовались по прежнему месту службы ⁵⁶.

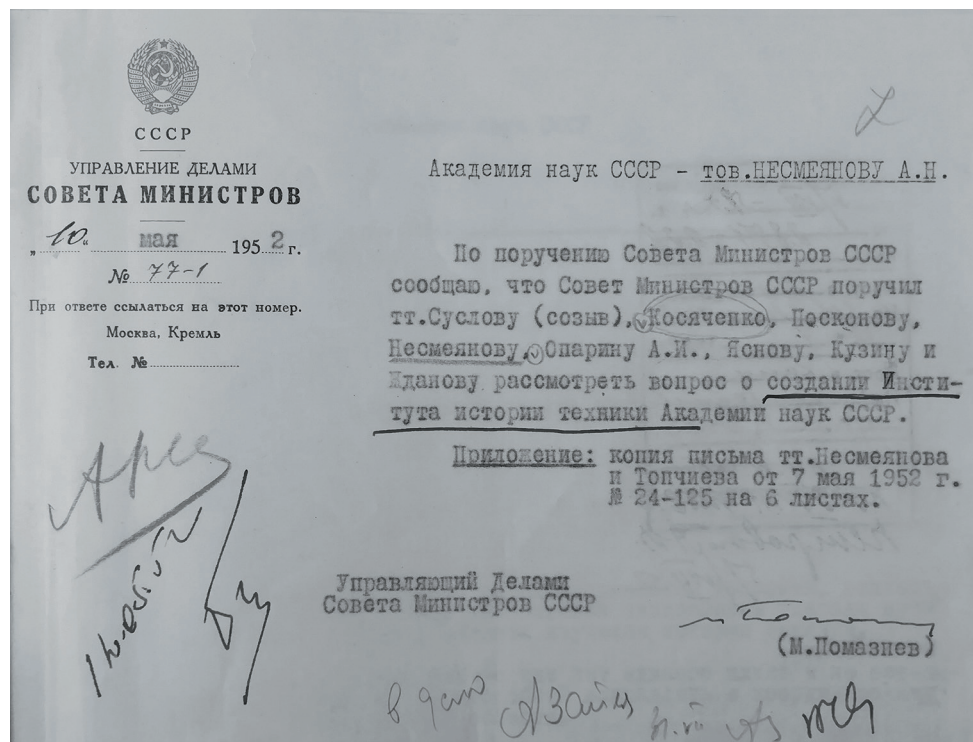
Записка Несмеянова — Топчиева и проект постановления о создании ИИТ поступили в Совет Министров СССР, о чем свидетельствует направленная 10 мая 1952 г. в АН СССР записка управляющего делами СМ СССР Помазнева следующего содержания:

По поручению Совета Министров СССР сообщаю, что Совет Министров СССР поручил тт. Суслову (созыв), Косяченко, Посконову, Несмеянову, Опарину А. И., Яснову, Кузину и Жданову рассмотреть вопрос о создании Института истории техники Академии наук СССР ⁵⁷.

Почему все же столь тщательно проработанный вопрос об открытии Института истории техники, идея которого, безусловно, вписывалась в смысловой контекст тех лет, потерпел неудачу — остается до конца неясным. Определенную роль сыграла позиция Министерства высшего образования СССР. В архивном деле хранится записка заместителя министра В. П. Елютина на имя главного ученого секретаря АН

⁵⁶ Там же. Л. 11–13.

⁵⁷ Там же. Л. 7.

Записка управляющего делами СМ СССР, 10 мая 1952 г. (АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26. Л. 7)

СССР Топчиева о том, что Министерство не возражает против организации Института истории техники. Однако передачу Центрального политехнического музея и Центральной политехнической библиотеки в ведение Института истории техники считает нецелесообразной, поскольку указанные

учреждения имеют своей главной задачей распространение среди трудящихся научных и технических знаний, и эту свою основную роль они выполняют значительно полней, если будут находиться в ведении Общества по распространению политических и научных знаний⁵⁸.

Еще более решительно против передачи Политехнического музея и Центральной политехнической библиотеки выступили председатель Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний академик Опарин и заместитель председателя (с 1947 г.) академик И. И. Артоболевский, направив 14 мая 1952 г. письмо на имя Сталина как председателя Совета Министров СССР.

Трудно представить, как бы проходило развитие истории науки и техники, если бы наряду с Институтом истории естествознания

⁵⁸ Там же. Л. 20.

семьдесят лет тому назад возник еще и Институт истории техники. Хотя институт-музей техники прикладной направленности нарушал бы смысл существования Академии наук и, скорее, должен был бы иметь иной, возможно, общегосударственный статус. Исходя из опыта разных стран, сочетание музея (истории) техники и научно-исследовательского центра, как правило, дает хороший результат, и именно на такой базе возможно изучение отдельных отраслей техники во всем их многообразии. Но в нашем случае история распорядилась иначе.

Эпилог

Вместо заключения здесь уместно привести выдержки из воспоминаний Фигуровского, хотя мне довелось их цитировать не раз.

В марте 1953 г. муж Голубцовой Маленков стал председателем Совета Министров СССР.

И вот, однажды в августе 1953 г., – вспоминал спустя много лет тогдашний фактический руководитель ИИЕ Фигуровский, – В. А. Голубцова позвонила мне по телефону и спросила, когда она могла бы приехать ко мне для переговоров. Мы договорились, и в один прекрасный момент к зданию института (ул. Фрунзе, 11) подъехала важная правительственная машина. В. А. Голубцова обратилась ко мне (она, очевидно, избегала обращаться к Х. С. Коштоянцу) с предложением объединить Институт истории естествознания с Комиссией по истории техники. Я был решительно против такого объединения. Мне казалось (да и теперь еще кажется), что история техники, да еще в тогдашнем состоянии, не просто осложнит работу института, но и вызовет целую кучу осложнений в основных методах уже налаженной у нас работы. В. А. Голубцова после весьма утивого разговора со мной уехала ни с чем.

Я, понятно, пошел к А. В. Топчиеву, рассказал ему обо всем. Он, будучи моим близким знакомым, почти другом, посоветовал мне, однако, отнестись к этому делу положительно и никоим образом не перечить В. А. Голубцовой. А. В. Топичев был политиком, тут уж ничего не поделаешь. Х. С. Коштоянц был против объединения. Что было делать?

Недели через две В. А. Голубцова сделала второй визит ко мне. И пришлось сдать позиции. Я скрепя сердце согласился, полагая, что «пока суть да дело», пройдет некоторое время и, может быть, все утрясется. Но не тут-то было. Кажется, через неделю после последнего визита В. А. Голубцовой, 1 сентября 1953 г., мне стало известно, что состоялось постановление Совета Министров СССР об объединении Института истории естествознания с Комиссией по истории техники. Вот что значит иметь дело с такими людьми.

Сотрудники ИИЕ АН СССР. Слева направо на переднем плане: Х. С. Коштойянци, С. Л. Соболев, О. А. Старосельская-Никитина, Б. Г. Кузнецов, В. П. Zubov; второй ряд: О. В. Красноухова, О. А. Лежнева, О. А. Соколова, (?), В. И. Макарова, Л. В. Каминер, С. Р. Микулинский; верхние ряды: Н. А. Фигуровский (на заднем плане), Т. Ф. Бедретдинова (на переднем плане), Т. В. Качаунова (на переднем плане), Баклаев (на заднем плане), И. В. Батюшкова (на переднем плане), Л. Я. Павлова (на переднем плане); далее на заднем плане: Н. Н. Иванов, Ю. С. Мусабеков, Ю. И. Соловьев, В. А. Есаков. Москва, ул. Фрунзе, д. 11, 1953 г.

Вскоре мы переехали из уютной комнаты на ул. Фрунзе, 11 в новое помещение в Политехнический музей (Новая пл., 3) в отдельное, сравнительно обширное помещение ⁵⁹.

Так в сентябре 1953 г. состоялось насильственное объединение истории естествознания с историей техники, вследствие чего история науки оказалась в затянувшемся на десятилетие кризисе. Часто здесь цитировавшийся Фигуровский писал, что после объединения внутренняя жизнь в институте осложнилась, поскольку среди историков техники было мало квалифицированных работников, «наоборот,

⁵⁹ Фигуровский. «Я помню...»... С. 513–514. Операция по слиянию с ИИЕ, проведенная Голубцовой, свидетельствует о том, что во внутренние дела Академии наук грубо вмешивались в принципе посторонние, но имевшие касательство к высшим должностным лицам государства люди. Здесь важна одна деталь: 2 февраля 1953 г. Общее собрание Академии наук своим постановлением утвердило избрание Отделением истории и философии АН СССР директором ИИЕ Коштойянца на новый срок (АРАН. Ф. 411. Оп. 4^а Д. 154. Л. 216). Но, как известно, директором ИИЕТ был назначен Самарин, а его заместителем стала Голубцова. Фигуровский сохранил свой пост, а вот Коштойянци, недавно переизбранный, был освобожден «с холодной, формальной благодарностью» (АРАН. Ф. 670. Оп. 2. Д. 6. Л. 129).

появились люди-лодыри, которые поддерживали свое право на работу в институте болтовней на собраниях, критиканы, в принципе мало понимающие в научной работе»⁶⁰. Думаю, что Фигуровский прав отчасти. В ИИЕТ в сравнении с выдающимися исследователями — историками естествознания, историками техники профессионально были слабее, но дело не в этом. Второй раз в нашей историографии оказалось нарушено равновесие между историей фундаментальных и историей прикладных исследований. В 1936–1938 г., когда состав ИИИТ, переведенного из Ленинграда в Москву, оказался практически полностью замещенным историками техниками, не исследователями, а главным образом вузовскими преподавателями, идеологически заряженными на так называемую марксистскую историю техники, произошла катастрофа: ИИИТ утонул в отраслевом мелкотемье и был закрыт. В 1953 г. возникала схожая ситуация. В ИИЕ была привнесена структура, которая вырабатывалась в КИТ в завершающий период ее существования, и в ИИЕТ возникли сектора истории строительной науки и техники, машиностроения и транспорта, энергетики, электротехники и связи и т. д. Эти направления были бы уместны в институте-музее истории техники, но, увы, этого не случилось. Только по прошествии десяти лет, в «оттепельный» период, с приходом Б. М. Кедрова и С. Р. Микулинского к руководству Институтом истории естествознания и техники АН СССР, произошло выравнивание, и институт вышел на новый и, как оказалось, наивысший уровень своего развития.

От редколлегии

Не так давно Симон Семенович Илизаров, чью статью редакция и редколлегия ВИЕТ имеют удовольствие представить читателям, отметил свое семидесятилетие. Доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом историографии и источниковедения истории науки и техники Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, член редколлегии ВИЕТ, он принадлежит к числу самых ярких и талантливых историков науки второй половины XX — начала XXI в. и по праву считается основателем историографического направления в истории отечественной науки. Его перу принадлежат биографии выдающихся историков науки от Г. Ф. Миллера до Т. И. Райнова, работы по истории ИИЕТ, исторические хроники развития истории науки в СССР. Именно им была основана серия «Российские историки науки и техники», восстановлено знаменитое серийное издание «Архив истории науки и техники», в котором публикуются не только оригинальные историко-научные статьи, но и уникальные документы по истории науки и техники. Разработав программу по устной истории науки, Симон Семенович записал десятки интервью с выдающимися учеными.

Творчество Симона Семеновича очень разносторонне. Он блестящий археограф, опубликовавший целый ряд сложнейших и интереснейших источников по истории науки, от текстов XVIII в. до документов века XX-го. Он также автор теоретических работ по источниковедению истории науки и техники и

⁶⁰ Там же. С. 514.

организатор периодических международных форумов «Чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники», проходящих в ИИЕТ РАН.

Одно из направлений, в развитие которого Симон Семенович внес значительный вклад, — это москвоведение. Его собственные работы, книги, в которых он выступал соавтором, составителем, редактором, в том числе «Московская интеллигенция XVIII века», «Творцы техники и градостроители Москвы (до начала XX века)», «Академический потенциал Москвы: московские академики XVIII–XX веков (материалы и обсуждения)», «Москва научная» и многие другие постоянно востребованы широким кругом читателей.

Многие годы Симон Семенович посвятил преподаванию. Он терпеливо и внимательно работает со студентами, аспирантами, докторантами, передавая им свою любовь к истории науки, свое бесконечное научное любопытство, мастерство научного поиска и тщательную скрупулезность при работе с историческими источниками. Благодаря его усилиям на базе ИИЕТ впервые в истории института был создан диссертационный совет, присуждающий степени кандидатов и докторов исторических наук по специальности 07.00.10 — история науки и техники.

Редакция и редколлегия ВИЕТ поздравляют Симона Семеновича с юбилеем, желают ему многих лет интенсивной и продуктивной научной деятельности, новых интересных находок, новых захватывающих книг и научных проектов и надеются на продолжение успешного сотрудничества в будущем.

References

- Figurovskii, N. A. (2009) *“Ja pomniu...”*. *Avtobiograficheskie zapiski i vospominaniia* [“I Remember...” *Autobiographical Notes and Memoirs*]. Moskva: Ianus-K.
- Goriacheva, R. I., and Gromova, M. M. (comp.) (2002) *Samarin, Aleksandr Mikhailovich* [Samarin, Aleksandr Mikhailovich]. Moskva: Nauka.
- Ilizarov, S. S. (1993) *Formirovanie v Rossii soobshchestva istorikov nauki i tekhniki* [The Formation of the Community of Historians of Science and Technology in Russia]. Moskva: Nauka.
- Ilizarov, S. S. (2018) *Rozhdenie, gibel’ i vozobnovlenie professii “istorik nauki”* [Birth, Demise and Resumption of the Profession of Historian of Science], in: Baturin, Iu. M. (ed.) *Vikhrevaia dinamika razvitiia nauki i tekhniki. Rossiia / SSSR. Pervaia polovina XX veka: v 2 t.* [Vortex Dynamics of the Development of Science and Technology. Russia / USSR. First Half of the 20th Century. In 2 vols]. Moskva: IIET RAN and Saratov: Amirit, vol. 1: *Turbulentnaia istoriia nauki i tekhniki* [Turbulent History of Science and Technology].
- Ilizarov, S. S. (2019) *Metamorfozy istorii nauki i tekhniki* [The Metamorphoses of the History of Science and Technology], in: Baturin, Iu. M. (ed.) *Vikhrevaia dinamika razvitiia nauki i tekhniki. SSSR / Rossiia. Vtoraia polovina XX veka* [Vortex Dynamics of the Development of Science and Technology. Russia / USSR. Second Half of the 20th Century]. Moskva: IIET RAN and Saratov: Amirit, vol. 3: *Samoorganizatsiia, turbulentnyi perekhod i dissipatsiia* [Self-Organization, Turbulent Transition, and Dissipation].
- Ilizarov, S. S. (2019) *Neizvestnaia stranitsa istoriografii istorii nauki: krizis 1947 goda* [An Unknown Page in the Historiography of the History of Science: The Crisis of 1947], in: Shcherbinin, D. Iu., and Fando, R. A. (eds.) *Institut istorii estestvoznaniia i tekhniki im. S. I. Vavilova. Godichnaia nauchnaia konferentsiia, 2019* [S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology. Annual Scientific Conference, 2019]. Saratov: Amirit, pp. 94–99.

- Krivososov, Iu. I. (2006) “Vopros ob organizatsii instituta... sniat s obsuzhdeniia” [“The Issue of the Organization of the Institute... Withdrawn from Discussion”], *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*, no 2, pp. 114–127.
- Kuznetsova, V. B. (comp.) (2005) *Matematiki rasskazyvaiut [Mathematicians Tell]*. Moskva: Minushee.
- Shukhardin, S. V. (1952) Razvitie nauchnykh issledovaniy po istorii tekhniki (k itogam pervogo soveshchaniia po istorii tekhniki) [Development of Studies on the History of Technology (On the Results of the First Meeting on the History of Technology)], *Vestnik AN SSSR*, no 9, p. 114.
- Trudy Soveshchaniia po istorii estestvoznaniia 24–26 dekabria 1946 g. [Proceedings of the Conference on the History of Science, December 24–26, 1946]*. Moskva and Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1948.
- Vavilov, S. I. (1949) Za sozdanie istorii otechestvennoi nauki [Towards the Creation of the History of National Science], *Tekhnika – molodezhi*, no 3, p. 8.
- Vavilov, S. I. (2012) *Dnevniki, 1909–1951: v 2 kn. [Journals, 1909–1951: in 2 books]*. Moskva: Nauka.
- Voprosy istorii otechestvennoi nauki. Obshchee sobranie Akademii nauk SSSR, posviashchennoe istorii otechestvennoi nauki. 5–11 ianvaria 1949 g. [Problems of the History of National Science. General Meeting of the USSR Academy of Sciences Devoted to the History of National Science. January 5–11, 1949]* (1949). Moskva and Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR.

Received: July 2, 2020.